

0: БЛАГОДАРНОСТЬ

С самого первого номера она очень важный человек в редакции «Новой Польши». Однако наша близость не переродилась в рутину. Мы сознаём, с кем нам довелось работать.

С молодости у Натальи Горбаневской было три призвания: поэта, редактора и правозащитника. Ее стихи — жесткие, немногословные, с большим трудом поддающиеся переводу (лучше всех с этим справлялся Виктор Ворошильский) — можно и в то же время нельзя назвать лирической исповедью. Создается впечатление, что автор говорит о себе как о ком-то другом, об одной из многих, отдает свой голос безымянному, безмолвному человеку нашего столетия, его любовям, мелким радостям жизни, его религиозности, вовсе не означающей спокойствия духа.

Стихи Натальи Горбаневской поначалу распространялись в самиздате, потом выходили на Западе (первые книги — еще до ее эмиграции). В 2003 г. в Москве вышла большая книга: под одной обложкой — избранные стихотворения «Русско-русский разговор» и последний на тот момент сборник «Поэма без поэмы». На днях в издательстве НЛО выходит новая книга ее стихов — «Чайная роза».

Одновременно поэтесса ставит свой талант на службу польским авторам, переводя их стихи — начиная с Циприана Норвида и кончая Яцеком Подсядло. Разумеется, Наталья Горбаневская переводит для «Новой Польши» и другие тексты, часто сопровождая их необходимыми комментариями, а также редактирует чужие переводы. В этом она невероятно требовательна как к другим, так и к себе самой.

Редакционной работой Наталья Горбаневская занимается всю свою жизнь. Она была основательницей «Хроники текущих событий», в эмиграции работала в редакциях «Континента» и «Русской мысли», где посвящала много места польским делам — особенно в 80-е. Всем приезжавшим тогда в Париж полякам она служила помощью и советом, дарила книги — даже из своей личной библиотеки. Для нас она была бесценным источником информации о русской эмигрантской литературе и диссидентском движении в СССР. О ее связях с польской оппозицией свидетельствуют продолжающаяся по сей день дружба со многими поляками и два сборника стихов, выпущенных в 1986 г. парижским издательством «Контакт», — «Переменная облачность» и «Где и когда».

В Польшу она впервые приехала в 1988 г. на нелегальную (хотя и не запрещенную) Международную конференцию по правам человека, организованную Зофьей и Збигневом Ромашевскими.

Ошибкой было бы думать, что правозащитная деятельность Горбаневской ограничивается прежними временами, когда она собирала подписи под письмами протеста или когда в числе восьми демонстрантов вышла на Красную площадь в знак протеста против вторжения советских войск в Чехословакию (впоследствии она описала это в документальной книге «Полдень»). Ее отличает сознание того, что борьба за права человека не прекращается даже после падения того или иного режима, что восприимчивость к их нарушению естественна, как дыхание. Она умеет ясно и решительно сказать «нет», невзирая на обстоятельства и авторитеты.

Эта бескомпромиссность, так же, как и поэтическая чуткость, свидетельствуют о ее энергии и молодости. И все же, поддаваясь магической силе круглых дат и желая выразить наши чувства к Наталье Горбаневской, мы празднуем ее семидесятилетие.

Короче говоря: спасибо за то, что ты такая, какая есть, и за то, что ты с нами.

От имени редакции Петр Мицнер

1: СТИХОТВОРЕНИЯ

Из книги «Три тетради стихотворений»

*

Это я не спасла ни Варшаву тогда и ни Прагу потом,

это я, это я, и вине моей нет искупленья,
будет наглухо заперт и проклят да будет мой дом,
дом зла, дом греха, дом обмана и дом преступленья.
И, прикована вечной незримою цепью к нему,
я усладу найду и отраду найду в этом страшном дому,
в закопченном углу, где темно, и пьяно, и убого,
где живет мой народ без вины и без Господа Бога.

Из книги «Где и когда»

*

Пчела, пчела, зачем и почему
не для меня яд обращаешь в мед,
черна, черна — что к дому моему
тропинка ядовитая ведет,
травинка губы колет, и распух
чего-чего наговоривший рот,
и бедный дух глагольствует за двух,
но что ни молвит — всё наоборот.
О чем очей неуголимый жар?
Над чем ночей горячая мгла?
О, пощади, пчела! Пчела, не жаль!
Ужель тебе не жаль меня, пчела?

Из «Седьмой книги»

*

Ничто не повторится. Никогда.
Но в каждом новом — привкус повторенья,
и пишущееся стихотворенье
— как со шпаргалки. Черная вода
в чернильнице наводит подозренье,
что вложен был хороший кус труда,
что промывалась тяжкая руда
и острое прищуривалось зренье.
Но глаз, глядящий в дальний Арзамас,

заплыл слезою. Кто-то пьет за нас
170 лет, а мы, чужим похмельем
полны, в давнопрошедшую тетрадь
заглядываем, списываем, клеим...
И время жить, и время повторять.

Из книги «Еще одна»

Animula vagula, blandula...

*

Душенька блуждающая, нежная,
бландула, вагула анимула,
твои шутки, шутиха, — безнадёжные,
твой любимый отель — мое немилое
тело. Да и много с нас толку ли?
На торгу, на толкучке суетной
затолкали нас обеих, заторкали.
И куда теперь? Перетасует ли
Парка старая гаданье наново?
И что выпадет — Вытегра, Няндомы,
Колывань, или Тамань, или Иваново?..
Анимула вагула, бландула.

Из книги «И я жила-была»

*

В ожидании конца
не толпитесь на пороге.
Всем достанутся чертоги
в доме нашего Отца.
Не дыши в чужое темя
свежей стружкой и смолой.
За надышанною мглой
есть и место, есть и время.
Шестикрылый номерок
от волнения промок,

на ладони у любого

расплывается лилово.

Не толпитесь за чертою,

не томитесь немотою,

в доме нашего Отца

песни не кончаются.

*

Хладом повеяло, холодом

с северной стороны.

Хмелем замешена, солодом

память холодной войны

С надвое сердцем расколотым

косимся, как в протокол:

накрепко ль над серпомолотом

вбито осиновый кол?

Из книги «13 восьмистиший и еще 67 стихотворений»

*

Кто там ходит под конвоем

«в белом венчике из роз»?

Глуховатым вьюга воем

отвечает на вопрос.

Иней, розами промерзлый,

колет тернием чело.

Ветер крутится промозглый,

не вещает ничего.

А в соседней зоне Дева

не смыкает слезных век.

Шаг ли вправо, шаг ли влево —

всё считается побег.

В тихом небе ходит Веспер

— наваждение...

А конвой стреляет без пре-

дупреждения.

Из книги «Поэма без поэмы»

*

И вторю, и цитирую,

себя же имитирую,

то цитрою, то лирою

бряцаю невпопад.

С одной строкой нетвердою,

как с писаною торбою,

ношусь, дурею, пробую

наладить струны в лад.

Я вдвое, втрое, ввытрое

сухие слезы вытру и —

и цитрусовой цитрою

из горла выжму сок.

Не пешее, не конное,

дрожит стекло оконное

и нотой беззаконною

колотится в висок.

*

И снова я слышу «нет» и «нет» говорю,

но теперь гляжу в Интернет и уже не горю

стыдобою, злобой на рот, не прошепчущий «да»,

ничьею зазнобой не быть — не была — никогда,

ничьею ручейной русалкой, ничьей Лорелей,

не жалко? нет, не жалко, поди погуляй,

мерцает экран, протекает кран, за окном не метель,

убери постель, постели себе тень на плетень.

Из книги «Чайная роза»

*

Ох тятя-тятя, ох наши сети,

ох когой-то они притащили...

Ох трусоваты бедные дети,
залегли от страха в лощине
и выглядывают оттуда:
вурдалак? утопленник? наяда?
или еще пострашней чудо-юдо?
Дети-дети, бояться не надо,
— отвечает им тятя, — ни чудищ, ни страшилищ,
не поддайтесь ни фантазму, ни фантому.
Так ответил им тятя, черти утащили ж
храбреца в самый тихий омут.

*

Где заумь становится безумью,
а стон обращается в вой,
лови эту Музу болезную
с кудлатою головой.
Корми ее, мой и расчесывай,
расчесывай раны ея
и русской строфой стоеросовой
ступи за порог бытия.

Из стихов 2006 года (публикуются впервые)

*

Ни хвостиков, ни черточек, ни точек,
емеля нам выравнивает почерк,
и спросишь: «Как жена?» — а выйдет «зона»,
и держишь сам себя за фармазона,
который был исходно франкмасоном,
умом не сонным, духом не бессонным,
душой не чутким и несклонным к шуткам,
давно отправленным ко всем анчуткам.
Поставь на переписку знак товарный,
и верный росс пойдет, как лях коварный,
извертываться, врать и лицемерить

и самому себе уже не верить,
не доверять рефлексам и привычкам,
ключам в кармане, спичкам и отмычкам,
влюбленностям заречным и заморским
и давним радостям консерваторским.
Поставя копирайт на переписку,
ты сам себя переберешь по списку,
по перечню, где уши-руки-ноги
гуляют парами, за ними по дороге
— как зэк со шконкой — печенка с селезенкой,
и все одето кожицею тонкой,
которой так недолго надорваться
и обнажить... — и обнажиться, братцы!
У переписки, пересвиста птичья,
ни замысла (а значит, и величья),
ни умысла (на подрыв и сверженье),
ни помысла (как выйти из окруженья),
ни мысли, хоть бы вялой и небойкой,
и только рифмы ходят парой или тройкой.

Комментарий автора (специально для «Новой Польши»): Это стихотворение появилось вскоре после того, как я несколько дней интенсивно переписывалась с вроцлавским издательством «Атут», выпускавшим мою книгу «Полдень». Речь шла о вставке в текст книги примечаний, сделанных мною в прошлом году, когда я готовила отрывки из книги для публикации в журнале «Урал» (2005, №6). Примечания уже были переведены, но издательство не знало, в какие места книги их надо вставить. Вдобавок следовало исправить устаревшую биографическую справку и еще какие-то мелочи. Писала я по электронной почте («емеле») латиницей, но без всяких диакритических знаков (хвостиков под буквами , черточек и точек — над), отчего в тексте писем появляются странные омонимы. Правда, «жена» (&